

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЛИТЕРАТУРНУЮ КЛАССИКУ

М. Б. МАШКОВСКИЙ

*(Челябинский государственный педагогический университет
Челябинск, Россия)*

УДК 821.161.1-3(470.55)

ББК Ш33(235.55)-43

ЧУДО В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЕ УСТНЫХ РАССКАЗОВ О ЕВДОКИИ ЧУДИНОВСКОЙ

Аннотация. В статье, на материале устных рассказов о южноуральской местночтимой святой Евдокии Чудиновской, делается попытка выяснить место чуда в его взаимодействии с такими художественными категориями, как пространство и время.

Ключевые слова: чудо, пространство, время, святость, устные рассказы, святая, Евдокия Чудиновская, Челябинская область.

Евдокия Чудиновская – одна из самых известных и почитаемых в Челябинской области местночтимых святых. Распространению её культа, центром которого является с. Чудиново, Октябрьского района, Челябинской области, способствуют устные рассказы о являемых могилой святой чудесах, а также публикации материалов о ней в периодической печати и Интернете. В 2002 году была предпринята попытка создания жития Евдокии (до сих пор она официально не канонизирована), к настоящему моменту претерпевшего несколько переизданий, что также свидетельствует о популярности святой.

С конца XX в., когда активизировался интерес к «духовному» фольклору в целом, появлялись работы таких ученых, как В.Н. Топоров, С.А. Джанумов, С.В. Алпатов, А.В. Тарабукина, А.Б. Мороз и др., посвященные разным аспектам восприятия святых и святынь народным сознанием.

Существует множество толкований понятия «чудо», однако для нашего исследования наиболее подходящим, в силу его общего

характера, является определение, данное в «Толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова: «Чудо – в религиозных и мифологических представлениях – явление, противоречащее законам природы и не объяснимое ими, но возможное вследствие вмешательства потусторонней силы» [Ушаков]. Также для нас вполне реальной, благодаря наличию большого количества полевых записей, становится возможность обратиться к пониманию чуда самими информантами.

Исследуемые тексты были записаны фольклорно-этнографическими экспедициями ЧГПУ разных лет в селах и деревнях Октябрьского и Троицкого районов Челябинской области.

Примечательно, что уже само название села Чудиново стимулирует бытование рассказов, в основе которых лежит чудесный мотив: *«[А почему село у вас Чудиново называется?] Село было оно центральное, как село Октябрьское, это было районное, центр был. И как-то один день, перед базаром, кони на колени встали (на конях же тогда привозили всё). И вот с того времени такое чудо и стали называть Чудиново...»* (зап. от Александра Ивановича., с. Чудиново – здесь и далее цитаты записей из ФА ЧГПУ), *«[А почему деревня называется Чудиново?] Одни говорят, что чудесное место, другие, что Дуняша чудеса делала...»* (зап. от М.А. Филиппова, с. Чудиново). Однако не все жители Чудиново верят рассказам о чудесах, многие из которых связаны с Евдокией, а зачастую выражают скептическое отношение к святой.

При необходимости аргументировать профанность Евдокии информанты апеллируют, через рассказы «бабок», «старых людей» и личные впечатления, к «историческому» этапу её существования: *«[А о Дуняше что-нибудь расскажете?] Мы её как-то сильно за святую не считаем <...> Так она при церкви замуж не выходила... Раз не замужем, стали про неё всякие легенды рассказывать...»* (зап. от Валентины Акимовны., с. Чудиново), *«[Что вы знаете о Дуне Чудиновской?] Мы тут не жили, а зато чудиновские нам рассказывали, чебурацким, что она такая, как мы. Ну, она все время в церкви молилась, читала, молилась...»* (зап. от М.А. Тимофеевой, с. Чудиново), *«[А что вы знаете о святой Дуняше?] Святой?! Не знаю я насколько она святая. Еще наши бабки говорили, что она просто вела праведную жизнь и все...»* (зап. от Г.П. Зудовой, с. Чудиново). И важно здесь то, что посмертные чудеса в таких рассказах не упоминаются и не получают оценки – это доказывает существование тесной связи между святостью и чудом в народном сознании, где

святой только в том случае действительно святой, если он творит чудеса. Следует согласиться с тезисом А.Б. Мороза и других исследователей о том, что в народе святые «рассматриваются не как люди, заслужившие святость перед Богом, а как наделенные таковой изначально» [Мороз 2009: 81], т.к. подтверждение находим в рассказах о Евдокии, где ведение праведной жизни и постоянное пребывание в церкви за молитвой не становятся для информантов поводом считать её святой. Из всего вышесказанного следует, что всё существование святой рассматривается народным сознанием в контексте чуда, которое становится лейтмотивом, соединяющим посястороннее с потусторонним и устранивающим хронологический предел в перспективе.

Видимо, эта специфика народного восприятия святой лежит и в основе трансформации даты смерти («*Более шестидесяти лет назад... 5 марта (21 февраля) 1948 года в селе Чудиново...отошла к господу девица Евдокия Маханькова...*» [Бережнов 2012: 6]) в дату рождения: «*А вот тут он писал, значит <...> А в марте у нее, забыл, какого числа, день рождения...*» (зап. от Н.В. Федорца, с. Чудиново), «*Ну, в книге написано, что не все факты доказаны <...> Вот здесь особенно пятого марта, в день рождения, тут съезжается столько автобусов. Какой-то Бажовский фестиваль...*» (зап. от М.А. Филиппова, с. Чудиново) – отсутствие точки начала компенсируется наличием точки конца, нерелевантной для народного сознания.

Понимание чуда самими информантами имплицитно выражается ими в ответах на вопросы собирателей. Так, связь чуда со святостью, выявленная нами ранее, еще раз подтверждается рассказчиками: «*[Почему ее святой признали? Чудеса какие-то творила?] Ну, она людям помогала, прозорливой была, много предсказывала*» (зап. от Валентины Григорьевны., с. Чудиново), «*[Она святая, потому что чудеса творила?] Да, идут к ней, что надо в записках, под песочек записки кладут, ну, на могилку <имеется в виду вариант распространенного в рассказах о Евдокии обряда прошения об исцелении и другой помощи – М. М.>*» (зап. от В.П. Слободчуковой, с. Чудиново). Здесь представлены две самые активно бытующие в рассказах о святой реализации мотива чуда: прозорливость и исцеление. Их распространенность в устных рассказах обусловлена, по-видимому, связью с категорией времени: прозорливость для народного сознания привлекательна как способность заглянуть далеко через границу настоящего, перетекающего в прошлое («*Когда Евдокия гуляла, на встречу ей шли две женщины, и одна из них жаловалась*

другой. Евдокия остановилась и сказала <...>, что у неё все будет хорошо. Спустя три дня всё так и получилось...» (зап. от Н. Сашковой, с. Кочердык)). Исцеление же представляется возможностью преодолеть естественный ход времени, что в рассказах достигается установлением прямой зависимости описываемых событий друг от друга за счет устранения хронологического разрыва между ними: *«У меня племянница привезла одну из Челябинска. Пятнадцать лет она не могла забеременеть, у каких только врачей не была. Всё! Её посоветовали приехать к Дуняше <...> Вот я сам свидетель! Мне не надо никаких пропаганды. Она сходила к Дуняше. Родила ведь! Мы г о д а ч е р е з д в а в Челябинске оказались на дне рождения этой племянницы, и она подводит ребенка о к о л о д в у х л е т ...»* (зап. от М. А. Филиппова, с. Чудиново) и др.

Тесно связанное в народном сознании со временем, чудо организует пространство устных рассказов о Евдокии Чудиновской, где центральными топосами являются место жительства святой и её могила.

Рассказы жителей Чудиново демонстрируют вариативность в определении места в селе, где жила Евдокии: *«[А где жила Дуня?] Жила вот тут вот, на площади. Вот церковь, туда немножко подальше. Я домик её захватила. А сейчас уже всё убрали. [Просто пусто?] Просто пусто. Вот где-то в промежутке за церковью она жила»* (зап. от Агафьи Тихоновны., с. Чудиново), *«[А Дуня жила здесь где-то?] Она в сторожке жила. [В сторожке, в церкви?] Да, в церкви. [Нам говорили, что она жила на площади] Нет, в церкви. Как заходишь, там сторожка была, заходишь на крыльцо и направо»* (зап. от В.П. Слободчуковой, с. Чудиново), *«[А о Дуняше что-нибудь расскажете?] Ну, вот как видите, Дуняша <...> Она жила на квартире в центре, при церкви служила...»* (зап. от Валентины Акимовны., с. Чудиново). Различные для каждого информанта пространственные точки привязаны, как мы видим, к конкретному топосу, к церкви, которая традиционно осмысливается как место явления чуда, что отражено в фольклорных текстах (напр., рассказ жительницы Кыштыма о том, как стены разрушенной церкви проявлением фресок указывают, откуда необходимо начать реставрацию). Необходимо отметить, что связь Евдокии с церковью в народном сознании достаточно прочна и репрезентируется в разных сюжетах: *«Жадные люди, которые не жертвовали церкви, уезжали к себе, но потом приползли к Дунюшке на коленях и умоляли принять пожертвования потому, что их преследовали неудачи...»* (зап. от

Л.Б. Митюковой, с. Клястицкое), *«Бабка меня водила в церковь в детстве, кажется мне – это Дуняша была...»* (зап. от Н. И. Галкина, с. Чудиново) и др.

Печатью необычности отмечены в рассказах о Евдокии и другие топосы, определяемые как жизненное пространство святой. Так, жителем села Чудиново отмечается, что дом святой находился не у церкви, не в центре, а на периферии села: *«А домишко-то её я еще помню маленько: там вон, на Бакай. На выезде дом был. Там долго бабки-то еще жили. Пять-шесть бабок бездомных...»* (зап. от М.А. Филиппова, с. Чудиново) – этот текст не основывается на чудесных мотивах, однако, благодаря реализуемому в нем представлению о крае поселения как границе обжитого и неисследованного пространства, где живет колдунья или колдун, он позволяет расширить понимание специфики образа Евдокии в народном сознании. *«[Верите ли вы в чудеса Дуни Чудиновской?] <...> Я верю. Мы живём, можно сказать, на святом месте. Потому в нашей квартире жила Дуношка, как мне мама рассказывала. А там, где наш огород, жила её родственница. Тут у нас какая-то связь, мне самой это интересно...»* (зап. от Н.А. Еремеевой, с. Чудиново) – хотя частный характер рассказа и отсутствие вариантов не позволяют делать широкие обобщения, констатируемая рассказчицей «святость» пространства, на наш взгляд, органически встраивает данное представление в выявленную ранее связь чуда и святости в народном сознании, воплощаемую в устных рассказах о Евдокии.

Могильный комплекс Евдокии, находящийся на чудиновском кладбище, состоит из собственно могилы святой, купола, защищающего её от осадков и позволяющего проводить службу при неблагоприятных условиях, и нескольких безымянных крестов, стоящих вдоль дорожки к могиле.

Сакральность могилы, как наиболее отрефлектированного в устных рассказах компонента комплекса, создается чудесами, происходящими на ней: *«И сколько вот у нас на кладбище было пожаров, доходил до Дуняшиной могилы и жар...»* (зап. от К.И. Левинской, с. Чудиново), *«Потом у нас пожар был на кладбище раза два. И вот пожар до Дуни доходит, и все, и останавливается!»* (зап. от М.А. Филиппова, с. Чудиново) – огонь выступает в рассказах не только антагонистом могилы святой (отождествление места погребения святого с его образом вообще характерно для народного почитания святых), но и одним из главных средств общения с Евдокией [об этом см. Машковский 2014: 88].

Но и в меньшей степени отраженные в рассказах объекты также способствуют сакрализации пространства комплекса. Так, второй крест на могиле регламентирует обрядовое поведение: *«[Кто такая Дуняша?] Ну, святая. И вот её, какая её спасала Ирина, тоже вот вместе схоронена [Кто такая Ирина?] Ну, а Ирина, вот у какой она скрывалась. [От кого?] Ну как? Её же вот все били тогда вот, издевались над ней <...> Она в лесах, и вот эта вот Ирина её спасала, что вот их и захоронили вместе. [Они рядом?] Рядом, да. Вот её могила. А когда вот ходишь туда вот, поклоняешься, и тут кто стоит, говорит, что Ирине тоже поклоняйтесь, <...> что она спасительница»* (зап. от Валентины..., д. Бакшан); кресты у дорожки имеют культовую природу: *«В безымянных могилах подле могилы святой похоронены те, за кого она молилась – 24 человека. Грешниками были...»* (зап. от паломницы, с. Чудиново).

Вышеупомянутые рассказы об околомогильных объектах не базируются на чуде, однако появление купола над могилой мотивируется именно им: *«[А вот у Дуняши над могилой купол построен, это батюшка строил?] Мужчина один приезжал как-то к Дуне, у него жена болела, а потом вылечилась, и он вроде как в благодарность, никого не спросил и начал строить это...»* (зап. от М.А. Филиппова, с. Чудиново). Если рассказы о посясторонней сущности Евдокии Чудиновской повествуют, главным образом, о её прозорливости, то центром большинства рассказов, связанных с потусторонней ипостасью святой, являются «чудесные» исцеления, полученные от её могилы в результате соблюдения ритуалов и исполнения табу.

В целом, рассказы о «чудесных» исцелениях достаточно однотипны и строятся по одной схеме (сообщение о недуге объекта повествования > обращение им за помощью к «чудотворной» могиле и совершение необходимых действий > исцеление), в которой могут варьироваться ритуальные действия и частные подробности. Пространство же каждого рассказа, меняющееся в зависимости от локализации субъекта и объекта повествования, обнаруживает свою нерелевантность для информантов, что связано с временной спецификой чуда исцеления в народном сознании, о чем было сказано выше. Записи, приводимые далее, демонстрируют неразвернутость пространства: *«Дунюшка скоро вот будет канонизироваться и всё равно людям помогает, вот, например, я знаю один случай: женщина долго не могла беременеть – вот эта тётечка, которая прошла – а вот батюшка сказал – мы были буквально 17 декабря – а он сказал,*

что обязательно у неё будет ребёнок. Да ребёнку в этом году – это было 2 года назад – в сентябре уже будет 2 года, мальчик родился. Так что это конечно чудо-чудо...» (зап. от «рабы божьей Зои», с. Чудиново), *«Один раз дед брал песок, попросили Олю, дочь, там по работе у сотрудницы кто-то болел, и вот вылезился песком. Песком с могилы. У него ноги болели, что ли...»* (зап. от А.Ф. Новоселовой, с. Чудиново).

Таким образом, наделенная в народном сознании изначально святостью и, следовательно, чудотворностью, в устных рассказах Евдокия Чудиновская существует только в односторонне ограниченном времени, где чудо, ею совершаемое, *базируется* на возможности нарушения естественного хода событий. Чудо, в свою очередь *организует* и сакрализует пространство активности святой, а также формирует её образ.

ЛИТЕРАТУРА

Бережнов А.С. Сказание о Евдокии Чудиновской / Издание пятое, дополненное. – Еманжелинск, 2012.

Машковский М.Б. Образ Евдокии Чудиновской в устных рассказах жителей Челябинской области (по материалам экспедиций последних лет) // Литература в контексте современности: Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: сб. материалов VII Всероссийской научной конф. с международным участием (Челябинск, 2-3 октября 2014 г.) / Отв. ред. И.А. Голованов; Челябин. гос. пед. ун-т. Челябинск: Изд-во ООО «Энциклопедия», 2014. – 198 с.

Мороз А.Б. Святые Русского Севера: Народная агиография/ А.Б. Мороз. – М.: ОГИ, 2009. – 528 с. – (Нация и культура / Фольклор: Новые исследования).

Ушаков Д.Н. Толковый словарь Ушакова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1089370>.

Статья рекомендована д.ф.н., проф. Н.В. Барковской